

зумеется, я не знаю, как и что ели японцы сто, двести или триста лет назад (да и знают ли они сами?), чем запивали, но после завтраков и ужинов в мацумотской гостинице создается впечатление, что очень похоже. В то время, как даже в специальных ресторанах Токио кормят чуть ли не хуже, чем в якитории на улице Удальцова.

Впрочем, Мацумото — вполне современный город с заполненными автомобилями улицами, так что ближе к шести десяткам километров у дается преодолеть разве что за час (правда, в отличие от Москвы, автомобили никогда не стоят, разве на светофорах, а пусть медленно — движутся), с обилием вывесок (практически все — иероглифами, не то что в Токио, где любая японская публичная надпись дублируется на английском), а по утрам — с невероятным количеством детей, сосредоточенно с чувством долга, спешащих в школу. Они так, до смешного даже, серьезные, так аккуратно одеты, что создается уверенность, что Япония далеко еще не достигла вершины своего взлета.

Что же касается мацумотского замка, то он настолько красив, до открытости, что у меня даже возникло искушение вообще его не снимать: наверняка уже существует не один десяток снимков, сделанных самыми профессиональными фотографами и фото художниками на самой могучей аппаратуре. Однако искушение это побороло инстинкт: рука сама потянулась все вскидывать и вскидывать аппарат к глазу и нажимать на спуск отсюда, то — от туда, то широкоуголкой, то — телевиком. Так что и из первой поездки, и из второй я вывез добрую сотню снимков этого знаменитого храма, красивого не только самого по себе, но и, как постоянно бывает у японцев, окружением: ровом, наполненном водой и похо-

жим на специальный, «садовый», пруд с жирными рыбами, черными и красными, то и дело вздымающимися над поверхностью плавники или жадные круглые рты, или роющими дно и осаживающими за собой дорожку ила, с лебедями и утками, с красным мостиком, с двором-лугайкой, на которой как раз готовились красные жемчужины для предстоящей вот-вот церемонии любования полной луной.

Искать разгадку японского взлета надо не в небоскребах, развязках и скоростных поездах, а в заполняющих улицы людях

Луну я то же снял: она показалась мне сугубо японской, однако дождаться ее поплотнее не удалось — пора было улетать.

По дороге из Мацумото в Токио мне случилось глянуть и на главный японский символ — Фудзияму. Правда, она высовывалась самой верхушкой из-за других, не столь знаменитых, гор и была совершенно не картинна, не фотогенична — во всяком случае, с этой точки. Конечно же, я не удержался и щелкнул ее пару раз из окна автобуса, получив в результате снимок, который не то что кому-то показывать — и самому смотреть стыдно. В прошлый раз, когда дорога шла, наоборот, из Токио в Мацумото и пришлось как раз на закате с толстыми облаками, Фудзияма получилась все-таки заметно эффективнее. Но лучше всего она у меня снялась из иллюминатора самолета, хотя, конечно, толстый двухслойный пленкиглас повредил снимок у нас только, что он совершенно справедливо не попал в эту журнальную подборку.